

Глава IV

Поиск смысла

Состояние каждого человека таит в себе решение тех вопросов, которые он ставит. Он реализует его в действии как жизнь прежде, чем начинает постигать его как истину.

Р. У. Эмерсон

1. Функция символа

В современную эпоху широко распространенное ощущение бессмысленности составляет один из симптомов отчуждения. Многие пациенты обращаются за психотерапевтической помощью не по поводу ясно выраженного расстройства, а потому, что чувствуют, что жизнь не имеет смысла. Внимательный психотерапевт непременно обратит внимание на то, что эти люди испытывают на себе разрушающие последствия не только неудовлетворительного детского опыта, но и переворота, вызванного значительными изменениями в культуре. По-видимому, мы проходим период коллективной психологической переориентации, сопоставимый по масштабу с периодом возникновения христианства на руинах римской империи.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Упадок традиционной религии сопровождается увеличением числа свидетельств об общей психической дезориентации. Мы утратили ориентиры. Наше отношение к жизни стало неоднозначным. Христианство представляет собой систему великих символов, которая, по-видимому, утратила способность определять все обязанности людей или удовлетворять их высшие потребности. Это привело к повсеместному распространению ощущения бессмысленности и отчуждения от жизни. Еще неизвестно, появится ли новый коллективный религиозный символ. А тем временем те, кто осознает эту проблему, вынуждены вести собственный поиск смысла. Для них индивидуация превращается в образ жизни.

Я употребляю здесь слово «смысл» в специальном значении. Вообще говоря, можно выделить два различных варианта использования этого слова. Чаще всего оно относится к абстрактному, объективному знанию, которое передается с помощью знака или изображения. Так, например, слово «лошадь» обозначает определенный вид четвероногих животных, красный свет светофора означает остановку. Это абстрактный, объективный смысл, который передается с помощью знаков. В то же время существует и другой вид смысла, а именно субъективный, живой смысл, который относится не к абстрактному знанию, а к психологическому состоянию, способному утверждать жизнь. Именно этот смысл мы используем, когда описываем глубоко волнующее переживание как нечто значимое. Такое переживание не несет абстрактный смысл, по крайней мере не в первую очередь. Напротив, оно передает живой смысл, который имеет аффективную окраску и органично связывает нас с жизнью в целом.

Сновидения, мифы и произведения искусства способны передавать это значение субъективного, живого смысла, который совершенно отличается от объективного, абстрактного

смысла. Неразличение этих двух различных употреблений слова «смысл» приводит к постановке вопроса «В чем смысл жизни?», на который невозможно ответить, потому что здесь спутаны объективный, абстрактный смысл и субъективный, живой смысл. Этому вопросу можно дать более субъективную формулировку: «В чем состоит смысл моей жизни?» — и тогда у него появляется возможность обрести ответ.

Проблема смысла жизни тесно связана с ощущением собственной идентичности. Вопрос «В чем состоит смысл моей жизни?» почти полностью совпадает с вопросом «Кто я такой?». Несомненно, последний вопрос имеет субъективный характер. Адекватный ответ можно получить только изнутри. Поэтому мы говорим: смысл обретается в субъективности. Но кто ценит субъективность? Когда мы употребляем слово «субъективный», то нередко подразумеваем нечто, что касается только одного человека и не имеет ценности для других. С начала упадка религии у нас отсутствует адекватная коллективная поддержка интровертной, субъективной жизни.

Все имеющиеся течения имеют противоположную направленность. Различные средства воздействия западного общества незаметно побуждают человека искать смысл жизни во внешнем, в объективности. Независимо от того, что составляет цель (государство, корпоративная организация, материальное благополучие или получение объективных научных знаний), поиск смысла человеческой жизни неизменно осуществляется там, где его нет, — во внешнем, в объективности. Единственная, особая, неповторимая субъективность человека, составляющая подлинный источник смысла человеческой жизни и не поддающаяся объективной статистической оценке, оказывается тем презренным камнем, который был отвергнут строителем нашего современного мировоззрения.

Даже большинство психиатров, которым положено лучше других разбираться в проблеме, содействуют укреплению доминирующей установки, при которой умаляется значение субъективности. Несколько лет назад я познакомил группу психиатров с работой о функции символов. Затем один из участников дискуссии высказал замечание по поводу этой работы. Главное его возражение состояло в том, что я охарактеризовал символ так, словно он представляет собой нечто реальное, почти живое. Я действительно дал такую характеристику символу. Это замечание отражает общее отношение к психике и к субъективности. Принято считать, что у психики нет собственной реальности. Субъективные образы и символы рассматриваются лишь как отражения окружающей обстановки человека и его межличностных отношений или лишь как осуществление инстинктивных желаний. Г. С. Салливан высказал крайнюю точку зрения: идея неповторимой, индивидуальной личности есть заблуждение! Таким образом, знаменитый психиатр невольно становится еще одним сторонником коллективистской, массовой психологии.

Современный человек крайне нуждается в открытии реальности и ценности внутреннего, субъективного мира психики, в открытии символической жизни. По этому поводу Юнг говорит следующее:

Человек нуждается в символической жизни... Но у нас нет символической жизни... В вашем доме есть уголок, в котором вы могли бы выполнять обряды, как это делают в Индии? В Индии даже в самых простых домах существует отгороженный занавеской уголок, в котором члены семьи могут предаваться символической жизни, давать обеты или заниматься медитацией. У нас нет такого уголка... У нас нет ни времени,

ни пространства... Только символическая жизнь способна выразить потребность души — ежедневную, заметьте, потребность души! И поскольку у людей нет символической жизни, они не в силах выбраться из ужасных скрежещущих жерновов обыденной жизни, с которой они «вынуждены мириться»*.

Человек нуждается как в мире символов, так и в мире знаков. Символы и знаки необходимы, но их не следует путать друг с другом. Знак представляет собой смысловую единицу, обозначающую нечто известное. Согласно этому определению, язык является системой знаков, но не символов. С другой стороны, символ является образом или изображением, которое указывает на нечто в принципе неизвестное, на некую тайну. Если знак передает абстрактное, объективное значение, то символ передает живое, субъективное значение. Символ обладает субъективным динамизмом, способным привлекать к себе внимание и вызывать восхищение у человека. Символ представляет собой живую, органическую сущность, которая выполняет роль источника и трансформатора психической энергии. Исходя из этого, можно сказать, что знак является мертвым, а символ — живым.

Символы представляют собой спонтанные плоды архетипической психики. Символ невозможно изготовить, его можно только обнаружить. Символы выполняют роль носителей психической энергии, именно поэтому их необходимо рассматривать как нечто живое. Они, сознательно или бессознательно, передают эго жизненную энергию, которая поддерживает, направляет и мотивирует человека.

* Из лекции К. Г. Юнга «Символическая жизнь», которую он читал в 1939 году.

Архетипическая психика постоянно создает устойчивый поток живых символических образов. Обычно такой поток образов сознательно не воспринимается, исключение составляют сновидения и фантазии в состоянии бодрствования, когда сознательный уровень внимания снижен. Тем не менее у нас есть основания полагать, что даже в состоянии полного бодрствования этот поток символов, заряженных действенной энергией, продолжает свое течение незаметно для эго. Символы проникают в эго, побуждая его идентифицироваться с ними и неосознанно разыгрывать их. Существует и иная возможность: символы изливаются во внешнюю среду через проекции, вызывая у человека очарованность и поглощенность внешними объектами и действиями.

2. Конкретизирующие и редуکتивные заблуждения

Отношения между эго и символом имеют очень большое значение. Вообще говоря, существуют три возможные модели отношений между эго и символом или, что то же самое, между эго и архетипической психикой.

1. Эго может отождествлять себя с символом. В этом случае символический образ будет проживаться конкретно. Эго и архетипическая психика будут едины.
2. Эго может быть отчуждено от символа. Хотя символическую жизнь и невозможно разрушить, тем не менее в данном случае она будет действовать в ущербном виде за пределами сознания. Символ сведется к знаку. Его таинственные призывы будут поняты лишь как элементарные, абстрактные факторы.

3. Третий вариант является наиболее предпочтительным. В этом случае эго, существующее отдельно от архетипической психики, открыто и восприимчиво для воздействия символических образов. Становится возможным осознанный диалог между эго и возникающими символами. В этом случае сам символ способен выполнять свою функцию, осуществляя роль источника и трансформатора психической энергии при полном участии сознательного понимания.

Указанные отношения между эго и символом приводят к двум возможным заблуждениям, которые я называю конкретизирующими и редуктивными. При конкретизирующем заблуждении, которое является более примитивным в этой паре, человек не способен отличать символы архетипической психики от конкретной внешней реальности. Внутренние, символические образы воспринимаются как реальные, внешние факты.

Примерами такого заблуждения могут служить анимистические верования первобытных людей, галлюцинации и бред психотиков и все различные предрассудки. В эту категорию заблуждений попадают такие смешанные сочетания психической и физической реальности, как использование алхимии, астрологии и многочисленных современных культов целительства. Это заблуждение проявляется у тех верующих, которые ошибочно принимают символические религиозные образы за буквальные конкретные факты и выдают свои личные или досужие религиозные убеждения за всеобщие и абсолютные истины.

Опасность поддаться конкретизирующему заблуждению возникает всякий раз тогда, когда мы поддаемся искушению применить символический образ к внешним, физическим фактам,

чтобы манипулировать ими в своих интересах. Символы оказывают целесообразное и эффективное воздействие только тогда, когда они служат для изменения нашего психического состояния или сознательной установки. Их воздействия неоправданны и опасны, когда они применяются магическим образом к физической реальности.

При редуктивном заблуждении совершается противоположная ошибка. В этом случае упускается из виду значение символа, который ошибочно воспринимается только как знак для обозначения некоторого известного содержания. Основу редуктивного заблуждения составляет рационалистическая установка, в соответствии с которой за символами можно разглядеть их «реальный» смысл. Этот подход сводит все символические образы к элементарным, известным факторам. Он опирается на предположение, что не существует ни подлинной тайны, ни принципиально неизвестного — того, что выходит за пределы познавательных способностей эго. С этой точки зрения не существует настоящих символов — существуют только знаки.

Для тех, кто придерживается таких убеждений, религиозные символы свидетельствуют лишь о невежестве и первобытных предрассудках. Редуктивному заблуждению подвержены и психологи-теоретики, которые считают символизм не более чем примитивным, дологическим функционированием архаического эго. Мы впадаем в это заблуждение, когда рассматриваем наши субъективные реакции и образы с позиций абстрактного, статистического подхода, уместного в сфере естественной науки и физической реальности.

Это заблуждение диаметрально противоположно ранее рассмотренному заблуждению, при котором субъективный, символический образ использовался для манипулирования физическими фактами, тем самым совершая насилие над ними. Здесь абстрактный, объективный подход, уместный в исследовании

внешней реальности, применяется к бессознательной психике в попытке управления ею. Этот подход осуществляет насилие над автономной реальностью психики.

Конфликт между конкретизирующим и редуктивным заблуждениями лежит в основе современного конфликта между традиционным религиозным представлением о человеке и так называемым современным научным представлением. А поскольку это коллективная проблема, мы все несем в себе часть этого конфликта. По этому поводу Юнг пишет следующее:

Тот, кто рассуждает о таких вопросах [как религиозный символизм], неизбежно рискует быть разорванным в клочья двумя сторонами бескомпромиссного спора по этим вопросам. В основе этого конфликта лежит странное предположение, что вещь действительна, если она проявляется в виде физического факта. Поэтому одни люди считают физически возможным рождение Христа от девы, тогда как другие опровергают такое рождение как физически невозможное. Каждый может убедиться в том, что этот конфликт не имеет логического разрешения, и поэтому лучше не ввязываться в такие бесплодные дискуссии. Права и та и другая сторона. И тем не менее стороны без труда достигли бы соглашения, если бы отказались от употребления термина «физический». Физическое не является единственным критерием истины: существуют также и психические истины, которые невозможно ни объяснить, ни доказать, ни опровергнуть физическим путем. Если бы, например, существовало общее убеждение, что река Рейн одно время текла вспять, от устья к истокам, тогда само по себе это убеждение было бы фактом, даже если бы с физической точки зрения такое утверждение представлялось совершенно невероятным. Убеждения подобного рода являются психическими фактами, которые невозможно ни опровергнуть, ни доказать.

К указанному типу относятся религиозные (или символические) утверждения. Они относятся ко всем вещам, которые невозможно установить в качестве физических фактов... Если считать, что они соотносятся с чем-нибудь физическим, тогда они не имеют никакого смысла. Конфликт между религиозными (или символическими) утверждениями и наблюдаемыми физическими явлениями свидетельствует о том, что, вопреки физическому восприятию, (символический) дух автономен и что психический опыт в определенной мере не зависит от физических данных. Психика является независимым фактором, и религиозные (или символические) утверждения являются психическими признаниями, которые в конечном счете опираются на бессознательные процессы. Эти процессы недоступны физическому восприятию, они демонстрируют свое существование через признание психического. Затрагивая религиозные (или символические) содержания, мы переходим в мир образов, которые указывают на нечто невыразимое. Мы не знаем, в какой мере эти образы, метафоры и концепции ясны или неясны в своей соотнесенности с трансцендентальным объектом. (Тем не менее) несомненно, что за этими образами существует нечто такое, что выходит за границы сознания и действует так, чтобы утверждения не изменялись безгранично и хаотически, а определенно соотносились с несколькими основными принципами или архетипами. Как и сама психика или материя, принципы и архетипы непознаваемы как таковые*.

Как и во всех вопросах, касающихся личности, конкретизирующие и редуктивные заблуждения не изменить рациональными увещаниями. В действительности их можно рассматривать как

* К. Г. Юнг «Ответ Иову», § 553–555.

две последовательные стадии развития личности. Состояние отождествления между эго и бессознательными символами приводит к конкретизирующему заблуждению. Такое состояние характерно для начальной стадии развития эго — например, его можно наблюдать у первобытных людей и детей. Редуктивное заблуждение проистекает из состояния отчуждения между эго и символизмом бессознательного. Такое состояние характерно для дальнейшей стадии развития; быть может, в нем проявляется необходимая реакция против предшествовавшего состояния тождества между эго и бессознательным. На этой стадии развитие эго может потребовать обесценивания бессознательного и силы эго символических образов. Тем не менее это приводит к диссоциации между эго и бессознательным, которая рано или поздно должна быть преодолена, чтобы человек смог обрести целостность.

Конечная цель юнгианской психотерапии — сделать символический процесс осознанным. Для осознания символов прежде всего необходимо знать, как ведет себя символ на бессознательном уровне. Все бесчеловечные обряды и ритуалы дикарей, а также невротические симптомы и перверсии можно понять, если мы будем ясно представлять, как функционирует символ на бессознательном уровне.

Основное предположение состоит в следующем: бессознательный символ проживается, но не воспринимается. Динамизм бессознательного символа переживается только как желание или стремление к какому-то внешнему действию. За этим стремлением не виден образ. Чисто психологический смысл не обнаруживается за побудительной силой символического образа, во власти которого оказался человек. Отождествленное с символическим образом эго превращается в его жертву, обреченную на конкретное проживание смысла символа вместо его сознательного понимания. Динамизм

символа рассматривается и проживается лишь как стремление к похоти или власти в той мере, в какой эго отождествляется с архетипической психикой.

Это позволяет понять различие между глубинной психологией Юнга и всеми остальными психологическими теориями. До сих пор только Юнг и его последователи были способны распознать символ, а следовательно, и архетипическую психику, проявлением которой он является, в том виде, в каком символ выполняет свои функции, когда эго не отождествляется с ним. В тех случаях, когда Юнг видит сверхличную архетипическую психику, Фрейд видит ид («оно»). Ид служит карикатурой на человеческую душу. Архетипическая психика и ее символы видны только в том виде, в каком они проявляются, когда эго отождествляется с ними. Ид представляет собой бессознательное, которое рассматривается только как инстинкт, без учета образов, лежащих в основе инстинктов. В той мере, в какой образы вообще рассматриваются, они редуکتивно истолковываются, сводясь обратно к инстинкту. Сам по себе символический образ не наделяется никакой содержательной реальностью. Фрейдовский подход к бессознательному необходимо понять, поскольку практически все школы современной психиатрии разделяют его мнение в той или иной форме. Ни один психиатр не будет отрицать, что влечения инстинктов являются живыми и эффективными, но почти все психиатры единодушно отрицают жизнь и реальность символических образов в себе и для себя.

В современной психологии получила широкое распространение точка зрения, согласно которой бессознательная психика, мотивируемая только инстинктами, в принципе чужда духовности, культуре и деструктивно воздействует на символическую жизнь. Степень приверженности этому подходу

определяет невозможность развития осмысленной внутренней жизни. Разумеется, инстинктивные побуждения есть, и в огромном количестве. Но именно символический образ, выполняющий роль источника и трансформатора психической энергии, поднимает инстинктивное побуждение на иной смысловой уровень, очеловечивает, одухотворяет и окультурирует грубую животную энергию. Инстинкт заключает в себе собственный скрытый смысл, который обнаруживается только через восприятие образа, заложенного в инстинкте.

Один из способов обнаружения скрытого образа состоит в использовании аналогий. Как отмечает Юнг,

...создание... аналогий освобождает инстинкт и биологическую сферу в целом от давления бессознательных содержаний. Отсутствие символизма, в свою очередь, перегружает сферу инстинкта*.

<...>^o

Разумеется, упоминая образ божества, мы прибегаем к символу, поскольку невозможно дать точное определение божеству или надличностной силе. В таких случаях используется не знак, обозначающий нечто известное и понятное на рациональном уровне, а символ, отражающий тайну. В случае успеха подобный метод интерпретации может привести пациента к символической жизни. Появляется возможность замещения симптома, окрашенного чувствами бессилия и вины, символом, который полон смысла, обогащает жизнь и осознанно переживается — вместо бессознательного, импульсивного, симптоматического проживания.

* К. Г. Юнг «Практика психотерапии», § 250.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

